

Написане мишається

ДВА ЛИСТИ АГАТАНГЕЛА КРИМСЬКОГО ДО ОЛЕКСІЯ ВЕСЕЛОВСЬКОГО

Олексій Веселовський був професором Лазаревського інституту східних мов та Московського університету, у яких у 1889 – 1896 рр. навчався Агатангел Кримський. Пропоновані два листи Кримський написав у період свого перебування на дворічній стипендії від Лазаревського інституту в Сирії та Лівані. Першого листа написано з Бейрута, а другого надіслано вже із Шуейра, куди Кримський перебрався 3 липня 1897 р., тікаючи від літньої спеки. Частково інформація в них перегукується з іншими його листами за цей період (див.: Кримський А. Ю. Твори: в 5 т. – Київ: Наук. думка, 1972–1973. – Т. V. – Кн. I: Листи (1900–1917) / Ред. тому С. Д. Зубков; упорядкування та примітки І. О. Лучник, А. М. Полотай, К. М. Сєкаревої. – 547 с. [далі – кн. 1]; Кн. II: Листи з Сирії та Лівану (1896–1898) / Ред. тому С. Д. Зубков; упорядкування і примітки М. П. Візира. – 335 с. [далі – кн. 2]), що зафіксовано в примітках.

Листи подано за автографами, які зберігаються в особовому фонді О. Веселовського в Російському державному архіві літератури і мистецтва (Ф. 80. – Оп. 1.– Од. зб. 132. – Арк. 1–8 зв.). Тексти двох публікованих листів передано відповідно до графічних і правописних норм сучасної російської мови. Послідовно замінено і на и, ь на е (збережено у фразі старослов'янською), ь Кримський у кінці слів не ставив. Скорочені слова розкрито у квадратних дужках. Закреслені слова подано в літерних примітках посторінково; текст Кримського передано світлим прямим шрифтом, а редакторські пояснення – світлим курсивом. Коментарі публікатора пронумеровано арабськими цифрами. За допомогу з фразами арабською мовою в тексті листів висловлюю вдячність Наріману Сейтяг'яєву.

Лист №1

Бейрут 18³¹/₇97

Многоуважаемый

Алексей Николаевич!

Вас, может быть, даже изумляет мое молчание, так как Вы имеете все основания думать, что к Вам писать – это чрезвычайно приятно для меня самого. Причина моего долгого молчания – борьба за существование. Не улыбайтесь, это именно так.

Я изучил в Институте арабский язык, а потом пополнял свои сведения – на основании доисламских сочинений, на основании Корана, на основании писателей 9 – 10 века. Приехал сюда в конце 19-го века. Оказалось: меня никто не понимает, а я и подавно никого! Правда, встречались^а т. н. “образованные” люди, с интересом слушавшие^б меня и отвечавшие^в на древнем языке, но все они поголовно владеют французским языком, как своим родным, и разговор по-французски был^д удобнее и для меня, и для них. Эту печальную истину я стал понимать еще до приезда в

^а Перефразовано з зустрічаються

^б Перефразовано з слушающие

^в Перефразовано з отвечающие

^д был вписано

Бейрут: еще в Мерсине¹ арабы понимали меня лучше по-турецки, чем по-арабски. Поселился я в семье родителей Михаила Осиповича², где говорят только по-арабски, и рассчитывал, что через неделю овладею их речью, но на самом деле вот только теперь свободно стал понимать всё, что говорят. Эти три месяца я занимался с крайней усидчивостью (не говоря о своих утренних занятиях и о двухчасовом уроке с учителем, сообщу лишь, что севши в 7 часов вечера за занятия, я встаю с места только в 2 часа ночи, чтобы лечь спать, – эти семь часов не имеют перерыва). До последнего времени я даже не мыслил: никакого чтения я не смел допустить, целый день в голове лишь вокабулы, и даже сны мне снились исключительно грамматические или лексикологические, или относящиеся к произношению, из-за неточности к[ото]рого я всегда оставался непонятым.

Главная трудность арабского современного языка заключается в том, что он потерял множество прежних гласных, приобрел новое произношение для оставшихся гласных, перестал произносить многие из старых согласных и образовал новые сочетания из^а согласных звуков, бывших в прежнем языке отдельными. Если *написать* какую-нибудь фразу по новоарабски, то я ее совершенно свободно пойму, потому что прочту ее по-древнему; равным образом и мои древнеарабские^б записки (с к[ото]рыми я обращался к хозяевам в первую неделю) понимались отлично, потому что читались по-новому.

Однако оставляю все эти филологические мелочи, к[ото]рые едва ли для Вас интересны, а поговорю о чем-нибудь другом.

Здесь в Бейруте, можно сказать, не видали русских. Консул и секретарь всегда остаются недостижимы для арабов, русские учительницы Института Сюрсок³ – затворницы, и я, т[аким] о[бразом], на весь Бейрут являюсь единственным “москобием”, с которым арабы могли действительно познакомиться. Первый месяц я отбою не имел от визитов и лишь под конец месяца сумел отвадить гостей, к[ото]рые просто не давали мне заниматься и заставляли ложиться спать позже, чем я бы предполагал (приходилось работать долго ночью, чтобы наверстать потерянное время). Одни из гостей приходили просто для того, чтобы послушать, как “москобий” говорит по-древнеарабски (для них это желанный идеал), а другие – чтобы пожаловаться на свою горемычную участь, на незащитность против турецкого правительства и всякого мусульманина. Я тщетно пытался объяснить им, что к политике никакого отношения не имею и что цель моего пребывания в Бейруте чисто филологическая: все-таки мне высказывали свои жалобы. Положение здешних христиан в самом деле безотрадное: всякий мусульманин может обижать их, а правительство или не обращает внимания на жалобы потерпевших, или, если консулы настоят, посадит виноватого в тюрьму на один день, а на другой день выпускает, и обидчик (убийца или грабитель) гордо гуляет по городу. Лучше всего, относительно, конечно^с, живется католикам, потому что французы имеют привычку добиваться наказания виноватых, но состояние православных, находящихся под покровительством России, совсем-таки жалкое. Предыдущий консул Петкович всегда был в дружбе с турками, от которых имел всегда богатые взятки, и потому ровно ничего не делал для православных. Даже когда произошел такой факт как^д публичное избивание священника русской (!sic!) церкви одним мусульманским торговцем, то и тогда Петкович не вмешался (этому будет уж почти год). Нынешний консул кн. Гагарин⁴ – человек честный, но совершенно не способный к управлению и во всем зависящий от драгомана⁵, а драгомана все православные проклинают за взяточничество. Я вчера был по делу в консульстве и нечаянно попал на преинтересную сцену: два горца пришли жаловаться на новый непосильный налог (точнее – вымогательство) и униженно просили заступничества у драгомана. Он, зная, что я понимаю уже по-арабски (так как с ним я всегда говорю по-арабски),

^а из *втисано*

^б древнеарабские *втисано*

^с относительно, конечно *втисано*

^д *Далі закреслено: изб[ивение]*

сказал им: “Подождите, пока придет князь. А я-то что могу сделать?” Но они, очевидно хорошо понимая положение дел, продолжали кланяться и говорить: “Что там князь! Ты только защити нас!” Каждый день я слышу что-нибудь новое о бездействии русского представительства здесь. Когда я вздумал как-то намекнуть князю, что можно было бы действовать получше, он остался очень недоволен, и между нами черная кошка пробежала.

Какие беззакония ни творятся в Бейруте, все же это самый спокойный из городов Турции. А что делается в Триполи, Дамаске и др.!

О реформах⁶ ни слуху, ни духу. Один мусульманин, также не совсем довольный правительством, сказал мне: “Странные люди эти европейские дипломаты! Они не понимают до сих пор, что Турция не только не видит ничего позорного в том, чтобы дать обещание и не исполнить, но наоборот – радуется, если может так ловко обмануть франков, и гордится своим обманом”.

Положение здешних православных арабов, составляющих, кстати сказать, большинство, хуже положения католиков и маронитов не только в смысле беззащитности перед турками, но и в смысле деморализации. Католики основали здесь коллежи с очень сносной программой, основали также медицинский факультет. У православных нет даже начальных школ порядочных, а Палестинское общество⁷, основавшее несколько средних школ в Сирии и Палестине, отстраняет от себя людей тщательным преследованием французского языка (католического!); в школах Общества учатся лишь стипендиаты или, лучше сказать, стипендиатки, и затем, вышедши из школы, они быстро забывают русский язык (чтения русского здесь нельзя иметь, и ни в одном магазине не найдете русской книги). Поэтому православные принуждены отдавать своих детей в иезуитские коллежи. Ребенок с детства принужден лицемерить: в школе он корчит католика, дома ругает католицизм. У католиков и маронитов такой двойственности с детства⁸ не бывает, и я до сих пор вынес впечатление такое, что у них есть хоть след того, что называется благородством. У православных – наоборот: это воплощение лицемерия и двуличности. Конечно, не одни школы виноваты: виноваты долгие годы предшествовавшей истории, так что и католики с маронитами производят не менее тягостное впечатление или едва-едва менее тягостное. Как у наших евреев, так здесь у христиан единственный идеал – деньги. Один известный ростовщик Фреж просил у кн. Гагарина через драгомана позволения приехать с визитом и завязать знакомство; князь, у которого при его внутренней пустоте все же сохранилось много гонора, ответил, что с ростовщиками у нас в России не принято знакомиться; на это Фреж поручил передать: “Но я очень богат!” – рассчитывая, что после такого ответа Гагарин изменит свое решение. А такие примеры встречаются тут тысячами. Выше я упомянул, что иезуиты основали недурные коллежи (хоть и со схоластической закваской). Но полный курс этих коллежей проходят только те люди, которые желают сделаться докторами: без окончания коллегиантского курса не примут в университет. Обыкновенно же принято здесь выходить из четвертого класса. Я допытывался о причине, и мне всегда единодушно отвечали: “После четвертого класса человек знает французский язык очень хорошо, а предметы, к[ото]рым учат затем, неинтересны: это физика, геометрия, литература, логика и т. п., – кому и к чему нужно это?!” Так говорят и дети, и родители, причем те часто добавляют “аксиому”: “Я вовсе не желаю, чтобы из моего ребенка вышел учитель”. Мой учитель (Нежиб ибн-Несим Трад)⁸ – редкое исключение: он очень любит читать научные книги, особенно философские, за это его считают дураком. Неделю тому назад произошел один курьезный случай, освещающий здешние нравы. Есть здесь православный⁹ “Институт” Сюрсок. В нем учат языку арабскому, французскому и рукоделию. В прошлом году Палестинское общество, давши, кажется, орден г[оспо]же Сюрсок, сумело навязать туда пять тысяч русских учительниц и приказало им озаботиться об изгнании французского языка и

⁸ с детства *вписано*

⁹ православный *вписано згофи*

введении русского⁹. Учительницы об исполнении первого приказа и думать не могли, они ввели лишь преподавание русского языка, но и за это поднялись среди арабов крики негодования. Русской начальнице пришлось ежедневно выдерживать ряд баталий с арабской начальницей, которая требовала изгнания русского языка, позволяя изучать его лишь стипендиатам-сиротам. К Рождеству г[оспо]жа Шмидт (русская начальница) решила, с позволения Хитрово¹⁰, сделать изучение русского языка необязательным и предложила родителям дать письменное заявление о желании или нежелании^а обучения их детей русскому языку. Оказалось, что половина детей не должна учиться этому ненавистному предмету, и это решение было утверждено г[оспо]жей Сюрсок. После Рождества приступили к занятиям, и немедленно оказалось, что каждый день одна группа детей, именно не изучающая^б русского языка, остается час или два без занятий и без надзора. У всех учительниц дѣла по горло, – приходилось нанять еще одну. Эта перспектива показалась настолько страшной, настолько убыточной, что Сюрсок немедленно отменила необязательность русского языка и сделала его вновь предметом обязательным. Перед г[оспо]жей Шмидт она мотивировала свою отмену так: “Я полагаю, что родители, хоть и с неудовольствием, покорятся этому решению. Если же двух-трех девочек и возьмут из пансиона, то убыток все же меньше, чем если бы нанять еще одну учительницу”. Я полагаю, что такую Соломону не во всякой стране сыщешь. Мой учитель, впрочем, уверяет меня, что я еще не то увижу, и приводит арабскую пословицу: “ыш ражяб– тара ажяб”, т. е. “поживи еще месяц ражаб – увидишь чудеса” (= поживешь – не то увидишь).

Какие “чудеса” я еще увижу, не знаю, но в последнюю неделю я уж увидел чудеса. Заметивши, что я наконец уж достиг одной половины своей задачи, т. е. научился свободно понимать речь других*, я позволил себе гулять под вечер на лесистой дороге Мазра’а; это, кстати, было и необходимо для меня, так как от недостатка воздуха при здешней жаре^с я начал было^д страдать головными болями. В это время крестьяне-горцы возвращаются домой, и я с ними заводил длинные разговоры, благо и понимают-то они меня во сто раз лучше, чем бейрутинцы. Эти крестьяне – открытый, честный народ и успели примирить меня с арабами совершенно. Я, было, успел привыкнуть к мысли, что современный араб не в состоянии сказать слова без лжи и лицемерия, и вдруг убедился в совсем противоположном! От разговоров с этими горцами так и дохнуло на меня древним духом степных арабов, и я чрезвычайно обрадовался, что народ, изучение словесности к[ото]рого я избрал своей специальностью, не выродился еще и что^е нельзя судить о целом народе по бейрутинцам.

На этом пока и закончу свое письмо. Прибавлю только, что семья, в к[ото]рой я поселился, положительно составляет счастливое исключение. Впрочем, и то сказать: отец не бейрутинец, а мать – из гор.

С глубоким уважением,

Аг. Крымский

Адрес: Vis Vienna. Beyrouth, Syrie, á M[onsieu]r Agath. Krymski.

P. S. Одновременно посылаю Вам новые свои работы; посылаю заказной бандеролью на адрес у[ниверсите]та.

Перечитавши письмо, я ужаснулся своему стилю: до того он стал неуклюжим. Отвык от русского языка!

* А мою речь до сих пор еще не всегда понимают вследствие множества устарелых слов.

^а Далі закреслено: обучать русский язык

^б Далі закреслено: арабсько[го]

^с при здешней жаре *втисано згофи*

^д было *втисано згофи*

^е что *втисано згофи*

Коментарі

¹ Мерсин – порт на південному узбережжі півострова Мала Азія.

² Михайло Осипович Аттая (Атая) – викладач Кримського в Лазаревському інституті східних мов у Москві. У Бейруті Кримський мешкав у будинку його батька лікаря Юсифа ль-Хакима Аттай й мачухи Сари Аттай.

³ “Інститутом Сюрсок” Кримський називає жіноче училище “Бакурет ель-ісхан”, засноване православною монахиною Лябібою Жажшан (звідки ще одна назва п’ятого кладу – “школа Лябіби Жажшан”), яке згодом взяла під свій патронат Амалия Сюрсок. У листах із п’ятих російських учительок Кримський називає лише керівницю К. І. Шмідт і трьох випускниць гімназії Стоюніної в Петербурзі: А. М. Зайцеву, О. І. Малініну, М. О. Каменську. Своє ставлення до останньої він детально виклав в автокоментарі до нездійсненої публікації листів з Лівану й Сирії [кн. 2, с. 79–80].

⁴ Князь Олександр Олександрович Гагарін був секретарем генерального консульства Російської імперії в Бейруті. Раніше обіймав посаду секретаря політичного агентства в Бухарі. Протягом перебування Кримського на стипендії їхні стосунки змінилися. За сприяння Кримського Гагаріна було обрано членом Археологічного товариства в Москві.

⁵ Драгоманом, тобто перекладачем, у консульстві працював Салім Шхаде. Кримський негативно відгукувався про нього в листах до брата Юхима [кн. 2, с. 51, 59].

⁶ Ідеться про реформи, що їх європейські країни запропонували Османській імперії. Унаслідок зволікання влади незадоволення немусульманського населення в країні лише наростало й врешті-решт вилилося в повстання на о. Крит та призвело до тридцятиденної грецько-турецької війни.

⁷ Імператорське православне палестинське товариство було засновано 1882 р. Його завдання полягало, зокрема, у підтримці місцевого православного населення в Османській імперії.

⁸ Нежиб ібн-Несим Трад був учителем православної чоловічої школи “Трьох Святих”.

⁹ Історію з викладанням російської мови в “Бакурет ель-ісхан” Кримський описав у листі від 4 лютого 1897 р. до брата Юхима [кн. 2, с. 115–116] та взяв за сюжет для оповідання “Соломонія, або Соломон в спідниці” з “Бейрутських оповідань” (див.: *Кримський А.* Твори: в 5 т.– Київ: Наук. думка, 1972–1973. – Т. I: Поетичні твори. Оповідання / Ред. тому П. Колесник; упорядкування і примітки М. Гончарука і О. Мишанича. – С. 575–600).

¹⁰ Василь Миколайович Хітрово був засновником і секретарем Палестинського товариства. Про його невдалу спробу повністю підпорядкувати “Інститут Сюрсок” Палестинському товариству Кримський коротко писав у листі від 28 червня 1897 р. до сестри Марії, яка мала намір поїхати викладати в одній зі шкіл Товариства [кн. 2, с. 156–157].

Лист № 2

Ливан, с. Шуэйр, 21 июля ст. ст. 1897.

Многоуважаемый
Алексей Николаевич!

Я так долго не отвечал Вам на Ваше письмо, потому что получил доступ в разные библиотеки рукописей. Приобрести их я не могу, переписчики тоже очень дорого берут, поэтому приходилось самому сделать себе описание важнейших рукописей и выписки из них. Я торопился воспользоваться доканикулярным временем, пока весь народ не разъедется прочь из Бейрута, и оттого откладывал письмо к Вам со дня на день, пока наконец и сам не переехал в горы, спасаясь от адской жары Бейрута.

Сильно изменилось настроение Сирии в последнее время. Прежняя слава России как защитницы христианства совершенно померкла. Ее помощь туркам во время греко-турецкой войны вызвала к ней на востоке невыразимое озлобление. Отчасти от этого нового настроения пострадал и я. Конечно, те арабы, к[ото]рые меня знают, понимают, что я должен считаться другом арабов, по крайней мере их истории и литературы; да и они во время войны сильно ко мне охладели и угощали ядовитыми замечаниями по адресу нашей России. А те, к[ото]рые лично меня не знают, а слышали только, что я русский, стали при моем выходе на улицу громко меня ругать, швырять грязью и камнями. Два раза я формально был избит камнями (при чем раздавались крики: “Это русский! русский! бейте его”) и один раз очень даже серьезно. С концом войны страсти утихли, меня не трогает никто, но ненависть к России не только не ослабела, а даже усилилась¹. Большое влияние имеют египетские газеты. Арабская пресса теперь имеет центр в Египте (подцензурные сирийские издания не имеют никакого значения, т[ак] к[ак] гнусно низкопоклонничают перед султаном); в Египет переехали все лучшие арабские литературы, издают газеты, покровительствуемые англичанами, и, зная очень

хорошо контраст английской оккупации с турецким владычеством, расхваливают Англию до небес. О России они повторяют то, что говорят английские газеты, и т[аким] о[бразом] прививают в Сирии ненависть к России и любовь к Англии.

С теми людьми, к[ото]рые меня знают и знают, что я занимаюсь арабским языком и литературой, мои отношения во всяком случае остались хорошими, в конце концов – по крайней мере. Вследствие этого мне старались в мае и июне доставать билеты на разные “научные” заседания, учебные акты, школьные представления, играющие здесь роль экзаменов, и на настоящие экзамены. Так как для упражнения в языке все это было мне очень полезно, то я охотно посещал подобные собрания. Меня предупреждали, что в мае и июне я увижу, т[ак] ск[азать], самый цвет современной арабской науки и литературы. Если это так, то приходится скорбеть. Так как простой язык (новейший) считается недостойным выражать научные мысли, то главная энергия школы (и учеников, и учителей) уходит на то, чтобы изучить язык старинный, “достойный”; а так как литературный арабский язык находится к простому в таком отношении, как латинский к итальянскому, то для его усвоения требуется *очень много* энергии, и все усилия школы уходят на форму в ущерб содержанию: оно совершенно игнорируется, и дети не выносят из школы никаких реальных знаний, никаких общеобразовательных идей, а только механическое знание арабского и французского языка. Особенно скверно поставлены школы православные: напр., в шестиклассном женском институте Сюрсок изучают сверх французского и арабского языка (и то крайне плохо) только Закон Божий и начатки арифметики и... рукоделие (это-то в большом количестве). “Православное палестинское^а общество” обманом навязало школе в прошлом году русских учительниц. Они, правда, хотели поставить преподавание более умно, но т[ак] к[ак] Хитрово им было дано приказание искоренить из школы (чужой школы!) французский язык и ввести вм[есто] него русский и преподавание на русском языке^б, то произошел скандальный хаос, грубые пререкания с родителями и настоящими хозяевами школы, и в конце концов русские учительницы принуждены были отказаться от службы в Палестинском обществе и уехать в Россию, а для детей год пропал. В мужеской православной школе “Трех святителей” программа, в сущности, та же, что и в женском Институте Сюрсок, только успехи получше. Общеобразовательных предметов нет. Лучше поставлено дело у иезуитов: у них есть медицинский факультет и восьмиклассный коллегийум. Но наука в этом коллегийуме оципана до крайности и вся сводится к схоластике. Получше стоит медицинский факультет и коллегия миссионеров-американцев (пресвитерианцев); правда, и там философия и историческая часть до безобразия слабы, но зато естественные науки в бoльшем почете. К сожалению, и там, стоит только вмешаться арабскому языку, форма берет верх над содержанием. Там, напр., бывшие и нынешние воспитанники американцев основали научно-литературное общество, к[ото]рое стало иметь публичные заседания с целью просветить публику. Я с большим любопытством прослушал два заседания (и, кроме того, вел много разговоров с участниками). Первое заседание было посвящено чтениям о химии: история химии, кислород, применимость химии к жизни. Между рефератами (для привлечения публики) были музыкальные номера – на флейте и скрипке. Началось заседание. Публики было видимо-невидимо, особенно женщин. Выходит молодой человек на эстраду и сперва читает стихотворное введение к реферату “История химии”. Введения, как я потом убедился, *никто не понял* (так мне признавались и студенты “у[ниверси]тета”). Следует изложение истории химии, бледное, до гнусности поверхностное и вдобавок опять никому не понятное: на наиболее трудном литературном языке (я потом узнал, что автор нарочно по словарю подбирал слова непонятнее)^с. Чтение это было упражнением в риторике и только. Референт жестикулировал очень яростно, воздъвал руцъ горъ, через каждые пять слов произносил стихи (арабам, благодаря неуместной страсти везде употреблять стихи, давно удалось обратить

^а палестинское *вписано згофи*

^б и преподавание на русском языке *вписано згофи*

^с (я потом узнал, что автор нарочно по словарю подбирал слова непонятнее) *вписано згофи*

свою поэзию в грубейшую прозу) и наконец ни к селу ни к городу произнес хвалу “великому господину нашему Абдул Хамиду-хану”. Реферат о кислороде (также не понятый публикою) был еще пошлее. Этот длинный реферат содержал только одну мысль, что без кислорода жить нельзя, для доказательства чего уморена была птица под колпаком воздушного насоса. Над трупом птицы референт произнес стихотворную элегию, причем кривлялся еще хуже предыдущего референта. Вообще стихами он сыпал на каждом шагу. Безусловно комическое впечатление произвела на меня его ода кислороду (“оксижину”), непонятая, впрочем, публикою. Третий реферат – о применении химии в жизни (он носил громкое заглавие *ندمّتل و ايميكلا* “Химия и цивилизация”) – также представлял безвкусную смесь стихов и прозы и свел значение химии к тому, что она дает средства окрашивать шелк нелиночными красками. Похвал Абдул Хамиду рассыпалось невероятное количество во всяком реферате. Другое заседание того же общества посвящено было теме “Что выше – жизнь бедуинов или горожан?”. Два референта говорили за первых, два – за вторых. Вследствие большей простоты предмета публика больше понимала, чем прошлый раз. Но что ей было преподнесено? Защитники бедуинов ссылались на то, что в пустыне есть честность, тогда как в Бейруте нельзя двери оставлять открытыми, и что малое количество потребностей есть счастье; все это было сравнительно сносно, хоть сказано очень по-детски, и высший аргумент был такой: “Адам и Ева были счастливы тогда, когда жили в раю, питаясь^а плодами и одеваясь в одежду из фиговых листьев”. Противники бедуинов энергично орали, что в пустыне, если зуб заболит, то врача под рукой не найдется, а если захочется сварить порядочный обед, то припасов нет никаких: уж на что немудрая вещь макароны – и тех нет. Симпатии публики были, безусловно, на стороне последних (моя хозяйка особенно одобрила аргумент о макаронах)^б. Интересно, что ни защитники бедуинов, ни враги их не слыхивали ничего о Руссо (я нарочно навел у них справки). У иезуитов нет подобных заседаний, но зато они славятся своими “комедиями”, т. е. драмами. Я посетил, напр., *ءافول ديءش* “Мученик верности”³. Сюжет взят из английской средневековой истории и обработан на арабском языке. Постройка драмы строго псевдоклассическая, хотя это очень стеснило автора (он мне признавался). По моим справкам оказалось, что новейшая драма не известна ученикам коллегияма. Иезуиты так боятся новейшей французской литературы, что совсем не знакомят с нею своих учеников. Правда, иногда они сверх псевдоклассической драмы^б знакомят арабов с Шекспиром, напр., с “Макбетом”. Но для соблюдения нравственности женские роли исполняют и, напр., вм[есто] леди Макбет у иезуитов фигурирует отец Макбета, побуждающий его к преступлению⁴. Школа “Трех святителей” тоже старается давать “комедии” для конкуренции иезуитам. Попал я на “Лукавого адвоката” (*للات حملا اى حملا*). Оказалось, что это переделка “Адвоката Пателена”⁵ на арабские нравы. Согласно правилам арабского безвкусия введена была еще личность “добротного адвоката”, к[ото]рый произносил напыщенные тирады о честности в высшей степени патетическим тоном, пересыпал свою речь стихами, столь же уместными, как пословицы Санчо Панса, вообще испортил комедию изрядно. По окончании представления я говорю одному из родителей школы: “А ведь вы просто переделали французского “Адвоката Пателена”. Это на афише не отмечено”. Ну, это не беда, – отвечает он, –...действительно, это переделка франц. пьесы... довольно старой... кажется, 60-х годов”. Я выпятил глаза: “Как? 60-х годов?!” – “Ну, может быть, 70-х”. Оказалось, у него было печатное издание действительно 60-х годов. А мой собеседник – учитель франц. языка в школе “Трех святителей” и лучший знаток истории франц. литературы.

К началу июля все из Бейрута разъехались, библиотеки всех школ и частных лиц заперлись, мне нечего было делать в Бейруте. А так как жара приняла невероятную силу, то и я постарался переселиться в горы. Оказалось, и тут попал на “комедию”, в здешней православной школе. Играли “Эсфирь”⁶, причем персидские царедворцы

^а *Дали закреслено: яблоками*

^б *сверх псевдоклассической драмы вписано згофи*

одеты были в современные дамские мантильи. Хозяин школы, священник, очень жалел, что мне не пришлось видеть предыдущей “комедии”: “Называлась она “Орас” (NB. на арабском языке). Была война у Рима с Альбой-Лонгой. Орас убили Курьяс, но сестра была недовольна, и брат ее застрелил из револьвера. И как мы сделали ловко! Тот, кто играл на сцене, держал револьвер пустой, а за сценой один человек выстрелил в окно из заряженного револьвера. Сестра упала как будто вправду убитая⁷. Публика от восторга чуть с ума не сошла (حس)”. Конечно, комедия “Орас” переделана из известной франц. драмы. Священник, наделивший римлян револьверами, не учился нигде, но ведь представлением заведовали учитель франц. языка, окончивший курс у иезуитов, и учитель английского языка, окончивший курс у американцев⁸.

До свидания. С истинным уважением

Аг. Крымский

[P. S.] Вероятно, Вас теперь нет дома в Москве. Поэтому посылаю письмо заказным и даю на конверте^a retour^b на консульство. А мой адрес: Beyrouth (Syrie), Liban, village Chouair, Agathangelos Krymski. Осенью возвращаюсь в Бейрут, в октябре.

Коментарі

¹ Про кілька інцидентів Кримський згадував в інших листах: “За Крит меня побилы было камнями улличники два раза (такая ненависть вспыхнула было против России), но затем мои знакомые уладили все дело, и никто из православных не трогает меня теперь”. Незадоволення місцевого населення поширювалося й на європейські країни у зв’язку з грецьким питанням [кн. 1, с. 283; кн. 2, с. 131, 138, 140, 169].

² Друге засідання відбулося 30 травня 1897 р. Вів його учитель Думат, який запропонував послуговатися на засіданні спрощеним варіантом літературної мови. Першим був реферат “О пользе посещения музыкальных развлечений и собраний красноречия”, після якого відбулися згадані дебати. З диспутантів Кримський називає імена Булоса Хулі, Аміна Муршака, які виступали за переваги міського життя, і їхніх опонентів Нассіба Жяббура та Самуїла Атийє [кн. 2, с. 158–160].

³ Вистава відбулася 16 червня 1897 р. У листі до брата Кримський навів дещо інший варіант назви – “Мученик честности”, автором п’єси зазначив Шаріда ель-Вафе [кн. 2, с. 151].

⁴ Про постановку “Макбета” див. у листі від 16 червня 1897 р. [кн. 2, с. 151].

⁵ Ідеться про комедію французького драматурга XVII ст. Давида-Августина де Брюес “Адвокат Патлен”, в основу якого ліг анонімний середньовічний французький фарс “Адвокат П’єр Патлен”. Свої враження від вистави Кримський описав також у листі до В. Ф. Міллера від 15 липня 1897 р. [кн. 1, с. 285].

⁶ Вистава відбулася 7 липня, Кримський відвідав її на запрошення місцевого священика о. Ханна Мжаас.

⁷ Про постановку “Орас” (тобто “Горацій”) Кримський згадує в листах до сестри Марії від 16 липня 1897 р., до брата Юхима від 17 липня, а також до В. Ф. Міллера від 15 липня кн. 1, с. 286; [кн. 2, с. 175, 187–188].

⁸ Освіту в американських місіонерів здобув учитель Халіль. Ім’я іншого не відоме [кн. 1, с. 286; кн. 2, с. 188].

*Вступне слово, підготовка тексту,
коментарі Богдана Цимбала*

Отримано 16 березня 2018 р.

м. Київ

^a Далі закреслено: свій адрес

^b retour вписано згори